

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т63

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление — А. Орлова

Т63 Точка, Тала
Я не Монте-Кристо : [роман] / Тала Точка. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 416 с. — (Только любовь).

ISBN 978-5-17-158112-1

Никто не знает, кто она и откуда появилась. Город взбудоражен не на шутку: наследница громадного состояния, незнакомка в маске, под которой, по слухам, скрываются уродливые шрамы, прицельно и метко наносит удар за ударом по бизнесу Никиты Елагина. Ее забавляют эти слухи, потому что самые уродливые шрамы остались на ее сердце, и тот, кто их оставил, теперь должен заплатить по счетам. Главное, устоять и не смотреть в глаза цвета кобальта лазурно-голубого, потому что от ненависти до любви намного меньше чем один шаг, особенно если это шаг ее маленького сына...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158112-1

© Точка Т., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

— И в чью башку пришла эта идиотская идея? — Никита окинул хмурым взглядом стоящего перед ним начальника службы безопасности — и, хотелось верить, друга. — Кому захотелось так меня подставить?

— Так ведь мальчишка сам ко мне подошел. — Димыч смотрел, не моргая, уверенный в своей правоте. Впрочем, как всегда. — Я неподалеку припарковался, наблюдал, а его водитель в дороге застрял, подрезал кого-то, вот пацан и решил, что меня прислали вместо него. Ему сказали, видеть, что за ним Дмитрий на серебристом «мерсе» выехал. Подошел, спросил: «Вы Дмитрий?» Дмитрий, говорю. «Вы за мной?» Так а я разве не за ним? Садись, говорю, родной, сейчас домчим. У него телефон разрядился, он номер машины сверить не мог. Скажи, что нам не подфартило?

Никита продолжал в упор смотреть на Дмитрия Семаргина, в душе соглашаясь с приятелем — такой случай глупо было упускать. Но только в душе.

— Это уголовная статья, Димыч, — веско уронил Никита. — Ты не знал?

— Она не заявит, Никитос, не тот случай. Зато бумажки тебе тут же в клювике принесет.

— Он ребенок. Сколько ему? Семь, если не ошибаюсь?

— Да ладно тебе ангела изображать, ты посмотри, как она прет, у нас нет шансов. А из-за сына быстро станет сговорчивей.

Никита отвернулся к окну, чтобы Димка не видел его глаза. Не такой он хотел победы и не такими путями собирался сражаться за свой бизнес. Она ворвалась, как ураган, похоронив под грудой обломков его самые лучшие и прибыльные проекты. А теперь готовилась перехватить тендер, за который отвалено было столько, что сумму просто неприлично было произносить вслух.

«У тебя нет шансов, — их лобби-агент лишь разводил руками, — там денег, как у графа Монте-Кристо, ты ее не перешибешь, Никита Александрович». По-хорошему, Димыч был бы прав, если бы не личный пункт Никиты Елагина. Он и без того одержит верх над этой хладнокровной стервой, но играть будет по-своему и уж тем более не станет вмешивать сюда детей.

— Где он? — повернулся к Семаргину Никита.

— На нашей тренировочной базе. — Друг и не пытался скрыть досаду. Наверняка сожалеет, что Елагин проявляет такое малодушие. — Подумай, Никитка, когда еще выпадет такой шанс? Мальчишка без разговоров сел в машину, решил, что мы новая охрана его мамочки. Кажется, он до сих пор в этом уверен.

— Хорошо, что у тебя хватило мозгов не напугать ребенка, — хмыкнул Никита. — Поехали.

Всю дорогу он спрашивал себя, откуда в нем столько благородства, хотя на самом деле знал ответ — ведь сыну Сальмы фон Россель было семь лет, столько же, сколько могло быть его сыну. Никита Елагин готовился к войне с этой самой фон Россель, но не собирался воевать с ребенком. И он сам не знал, почему решил лично его отвезти, хотя вполне мог поручить Дмитрию доставить мальчишку матери.

Никита достал смартфон, пролистал телефонную книгу. Номер Сальмы давно уже был туда записан, Димыч прак-

Я НЕ МОНТЕ-КРИСТО

тически сразу его раздобыл, в первый же день. Сколько раз Никита порывался набрать эту ненавистную бабу и выплеснуть все, что накопело. Возможно, даже с матерной руганью, ни к чему церемонии разводить. И сейчас он с каким-то яростным удовольствием нажал на вызов.

— Да, слушаю, — зазвучал из динамика хрипловатый голос, будто собеседница простужена.

Никита уже слышал этот голос — она всегда так говорит. Судя по всему, во время аварии, или что там с ней когда-то произошло, у нее было повреждено не только лицо, но и связки. Говорит чисто, без акцента, все верно, Сальма фон Россель она без году неделя, небось всю жизнь была какой-нибудь Светкой Соколовой. Зато дыхание прерывистое, нервное. И Никита внезапно понял, что его номер у нее тоже давно записан. Она знает, кто ей звонит, и осознание этого заставило его еще сильнее стиснуть телефон. Как он до сих пор не раздавил аппарат?

Он не мог объяснить, но от одного звука ее имени внутри все пламенело от злости. Может, причина в самой фамилии фон Россель, ведь если бы тогда его семья не ввязалась в авантюру с наследством, его жена и ребенок были бы живы. Но Сальма здесь ни при чем, она появилась позже, тогда что, что заставляет его исходить яростью?

Где-то в самом дальнем уголке души он догадывался, что вся его ненависть направлена не на нее, а на самого себя, это себя он ненавидит и винит в том, что стало с его любимой. Но признаться в этом даже себе не хватало духу. Куда проще обрушить поток ярости на кого-то, найти врага. И Сальма фон Россель здесь подходила идеально, она сама назначила себя на эту роль. Теперь оставалось лишь сдержанно говорить в трубку:

— Это Елагин. Ваш сын у меня.

— Я знаю. Скажите, что вам нужно, я все сделаю...

Так просто? Похоже, он в самом деле заигрался в благородство. Надо скорее отвезти мальчишку, потому что очень

сложно будет не передумать и не забыть на свои принципы и пунктики.

— Я сейчас его привезу, произошло небольшое недоразумение. Не в ваших интересах посвящать в наши дела посторонних, госпожа фон Россель. Надеюсь, вы меня поняли.

Она что-то начала сбивчиво лепетать в ответ, но он не стал слушать, нажал отбой. Надо дать ей понять, кто в этой ситуации главный. Он оставил свой «Хаммер» прямо перед зданием и даже не потрудился развернуть машину — кому надо, объедет. Поднялся по лестнице, толкнул дверь. Мальчик сидел на диване в углу и рассматривал экран планшета. Услышав шаги, ребенок поднял голову.

Никита поймал настороженный взгляд — настороженный, не испуганный, — и почему-то ощутил словно толчок в самое сердце. С чего бы? Шагнул вперед, а мальчишка вдруг улыбнулся, и оттого, что улыбке не хватало нескольких молочных зубов, она вышла совсем трогательной и беззащитной. Мальчик и сам казался беззащитным — слишком щуплый и худой, с торчащими лопатками и тонкими запястьями.

«Сразу видно, что одна парня растит, — подумалось Никите, — ему не помешала бы хоть какая-то физическая подготовка». А мальчишка продолжал улыбаться, и губы Елагина сами собой растянулись пусть не в улыбке, но в намеке на нее. Хорошо хоть не в зверином оскале, потому что Никита уже забыл, когда в последний раз улыбался. Так широко и жизнерадостно, как этот мальчишка, наверное, лет восемь назад...

— Привет. Тебя Даниэль зовут? — Он постарался, чтобы прозвучало довольно непринужденно.

— Вообще меня зовут Данил, и мама меня так зовет. А я вас знаю, вы Никита. — Мальчик говорил по-русски довольно чисто, если не считать легкого акцента.

— Да, Никита. Я что, такой популярный? — Елагин изо всех сил сдерживал сарказм, нечего изгаляться перед ребенком.

Я НЕ МОНТЕ-КРИСТО

— Я видел, вас по телевизору показывали, и мама сказала, кто вы.

«Твоя мама выжившая из ума стерва, которая решила пустить меня по миру. Меня и мою семью».

— Пойдем со мной, Данил, я отвезу тебя к маме. Произошло недоразумение, мой сотрудник перепутал тебя с другим парнем и привез сюда.

«Оправдание так себе, но сойдет, другого все равно нет». Он собрался было выходить, как вдруг мальчик встал, отложил планшет и протянул Никите руку. Он так растерялся, что машинально протянул в ответ свою. Худая узкая ладошка легла в его широченную ладонь, и Никиту словно токомшибануло. Он разжал пальцы и, больше не говоря ни слова, направился к машине.

Мальчик доверчиво шел рядом и по-прежнему улыбался. Никита тряхнул головой, прогоняя невесть откуда взявшееся наваждение — это просто ребенок, сын его врага, и будет с него. Но через несколько минут он с удивлением обнаружил, что увлеченно болтает с парнишкой. Когда тот успел так разговорить немногословного Елагина? И где в это время был, собственно, сам Елагин? Вопросы явно оставались риторическими, Никита раздраженно дернул рукой, и мальчик удивленно посмотрел снизу вверх. Он и ростом не вышел для своего возраста.

— Извини, — буркнул Елагин, — а ты чего такой мелкий? Тебе в самом деле семь?

— Да, я просто всегда был такой. — Мальчишка пожал острыми плечиками, будто извинялся, и Никиту снова пробило неведомое чувство. Жалость? Нет, скорее, захотелось поддержать парня, сказать что-нибудь ободряющее. У него, Никиты, похоже, совсем съехала крыша.

Это чужой ему ребенок, абсолютно, сын женщины, с которой уже завтра утром Никита вступит в жестокую борьбу. Почему его тогда так сбивает с толку этот пронзительный взгляд? Серо-голубые глаза мальчика смотрели с совершеннейшим доверием, что полностью выбивало Никиту Ела-

гина из привычной колеи. Он забыл, когда на него так смотрели. Точнее сказать, давно на него никто так не смотрел...

Никита опомнился. Он запретил себе думать о прошлом, просто чтобы не сойти с ума. Если не думать о том, что было, можно даже делать вид, что ты живешь, а не существуешь. Надо поскорее сбегать к матери, а там уже с чистой совестью продолжать войну. Которую не он начинал, но в которой должен победить. Обязан.

А мальчишка не ведал о проблемах Елагина и продолжал болтать. О том, как ему непривычно в новой школе, о том, что ему здесь нравится больше, чем в Штатах, и маме тоже здесь больше нравится, она просто не признается. О том, как ему нравится физика, вот только непонятно объясняет учитель...

— Постой, Даня, какая физика? — удивился Никита. Он посмотрел в зеркало на мальчика, сидевшего на заднем сиденье. — Ты в каком классе? И, кстати, ты как здесь сразу в школу пошел, разве ты не на английском языке учился?

Оказалось, Даниэль фон Россель в Штатах ходил в русскую школу. Мама нашла какую-то общину, ей за границей никогда не нравилось, и она всегда хотела вернуться. Сам Данил вундеркинд, изучает физику с пяти лет, а сейчас застрял на строениях атома, какие-то сложности с притяжением электронов к ядру...

Закончилось тем, что Елагин съехал на обочину, влез в планшет и минут двадцать изображал героя фильма «Вспомнить все», зато в итоге был награжден счастливой щербатой улыбкой. И почему-то был неимоверно горд собой. А озадачен еще больше. Пожалуй, ему пора отдохнуть, когда все закончится, не мешало бы съездить куда-то. Можно взять с собой Анжелу. Или Диану. Все равно.

Мальчик продолжал болтать, и когда впереди показался дом за трехметровым забором из красного кирпича со «скворечником» охранника, Никита испытал даже что-то похожее на сожаление, и это тоже его глубоко поразило. Он был уверен, что разучился чувствовать что-то, отличное от

Я НЕ МОНТЕ-КРИСТО

равнодушия. Все чувства давно забыты и надежно похоронены под обугленными обломками прошлого.

— Приехали, Даниэль. — Он повернулся к мальчишке и углядел расстроенную мордашку. А ведь тот даже не спросил, что он делал на их тренировочной базе. Понял ведь, что сел не в ту машину, а почему его сразу не отвезли домой, не спросил.

Данил высунулся в окно и позвал охранника, тот едва не скатился вниз по ступенькам. Ворота медленно отъехали в сторону, но Никита въезжать не стал, вышел из машины и снова впал в ступор перед доверчиво протянутой узкой ладошкой. Он решил его измором взять, этот пацан. Ладно, пойдем.

И внезапно Елагин увидел ее. Она стояла на дорожке у дома, высокая — ну как высокая, все равно до него не доросла на полголовы, а то и больше. И очень тоненькая, это Никите совсем не понравилось. Он рассчитывал на более мощного противника, чем хрупкая женщина. Они с Данилом подошли ближе, и ему захотелось выругаться.

Какая женщина, это же девчонка! Совсем девчонка, почему его никто не предупредил, что ему предстоит война с какой-то пигалицей?

— Я думал, ты старше, — вырвалось у него, и Елагин увидел, как удивленно округлились глаза над шелковой повязкой.

Он не планировал ничего такого говорить, но та, с которой он собирался воевать, оказалась и правда слишком молодой для такой хватки и таких космических денег. Впрочем, у нее могли быть просто толковые советчики.

Никита рассматривал ее с любопытством, не в силах отвести взгляд. Легкая повязка скрывала лицо. Говорили, что она прячет под ней жуткие шрамы — вроде как она попала в аварию и горела в закрытом автомобиле. Сам Елагин считал, что, возможно, она кого-то просто сильно достала и ей плеснули в лицо кислотой — судя по методам, которые эта дамочка использовала в бизнесе, вполне могло быть

и то и другое. Но над повязкой особых повреждений видно не было, зато были видны глаза, большие, темные, смотревшие на него с опаской, что возбуждало в его душе смутное чувство горечи и злости.

— Благодарю вас, господин Елагин, я...

И тогда он не выдержал, схватил ее за руку и, чуть не вырвав ее, прошипел:

— А ты не благодари. Ты с силами собирайся, потому что это был последний джентльменский жест с моей стороны. Больше не рассчитывай на мое благородство. Никаких твоих денег не хватит, Монте-Кристо, мать твою...

Последнюю реплику он словно презрительно выплюнул, отбросил ее руку и зашагал, не оборачиваясь, к машине. Она лишь успела пискнуть вслед:

— Я не...

Но он ее не услышал. Хлопнул дверцей «Хаммера» и вдавил педаль газа.

Никто не знал, кто она и откуда появилась. Город был взбудоражен не на шутку: наследница громадного состояния, незнакомка в маске, под которой, по слухам, скрываются уродливые шрамы, прицельно и метко наносит удар за ударом по бизнесу Никиты Елагина. О происхождении ее шрамов люди строили самые невероятные предположения, а ее забавляли эти слухи, потому что наиболее уродливые шрамы остались на ее сердце, и тот, кто их оставил, теперь должен заплатить по счетам.

Но сейчас она смотрела ему вслед и тщетно пыталась разжечь в душе огонь, что бушевал все эти годы. Ничего не выходило, даже не тлело ничего. Вся ее решимость испарилась, стоило увидеть на дорожке, ведущей к дому, высокого широкоплечего мужчину. Он шел своей обычной неторопливой походкой, как будто весь мир создан для одного Елагина и этот мир может подождать столько, сколько ему понадобится.

Я НЕ МОНТЕ-КРИСТО

А рядом шел Данька, держал его за руку и трещал, жестикулируя другой рукой. Молчаливый, несмелый Данька. И Елагин шел, склонив голову, будто прислушивался, будто ему интересно, что рассказывает семилетний ребенок. Как тут устоять и не упасть — она ухватила рукой за перила на крыльце и смотрела на приближающихся мужчин, взрослого и маленького.

Она была уверена, что Елагин похитил мальчика и станет шантажировать ее, она даже приготовила все бумаги для тендера, чтобы отдать ему: она не собиралась рисковать Данькой. Лишь хотела отомстить Елагиным, оставить их без гроша, разорить и пустить по миру, ведь единственное, что их интересовало — всех без исключения, — это деньги. Но все ее планы отмщения и возмездия семье Елагиных рушились, как песочный домик, и она не знала теперь, были ли они вообще. Или все сводилось к тому, чтобы еще раз увидеть Никиту, а остальное — лишь пустые домыслы. Иначе почему так саднит внутри, будто он не руку ее вырвать хотел, а сердце?

— Мама, мне Никита понравился, — сказал Данька, и она спохватилась, что слишком сильно сжимает сыну плечо. — Он мне физику объяснил. А можно он к нам еще придет?

— Он не придет, сынок, — сказала она устало и обняла ребенка за плечи. — Идем в дом.

Сын смотрел снизу вверх, слишком маленький и щуплый для своих лет, а рядом с Никитой он и вовсе выглядел гномиком: Елагин стал выше и здоровее, или ей так показалось по сравнению с Данькой? Он совсем не изменился, на фото и видео казался другим, а вживую — тот же. Тот самый потрясающе красивый мужчина, в которого она когда-то влюбилась с одного мельком брошенного взгляда, чувства к которому все эти годы по капле выдавливала из своего сердца и которые снова затопили ее, потушив в душе огонь ненависти, стоило лишь снова его увидеть.

Глава 1

Восемь лет назад

Саломия чувствовала себя инородным телом, в двадцать пятый раз поправляя блузку и одергивая юбку, чтобы та казалась длиннее. Все сидело на ней безукоризненно, и безукоризненно смотрелись затянутые в тугий узел волосы, этому еще мама ее учила. Но все, что Саломию окружало, казалось неестественным, будто это происходит не с ней, будто она смотрит фильм, и как только он закончится и появится надпись «Конец», можно будет повернуться, обнять подушку и сладко уплыть в сон.

Музыка вокруг громыкала так назойливо, что она с трудом сдерживалась, чтобы не зажать уши. Хоть убей, было непонятно, почему обязательно следует танцевать под музыку, которая по уровню шума сопоставима с ревом самолетной турбины — и там, и там сто сорок децибел, она специально погулила.

Но народу нравилось, и не ей им указывать. Сама Саломия предпочла бы для отдыха уютное кафе с живой музыкой, негромкой и желательно классической. Саксофон ее тоже бы устроил, но на такую роскошь денег не было, поэтому она и пришла стажироваться официанткой в бар ночного клуба «Амстердам», одного из самых престижных в городе.

Я НЕ МОНТЕ-КРИСТО

В свои девятнадцать Саломия была самым настоящим ископаемым: в одежде и музыке предпочитала классику, с парнями у нее не клеилось, а в ночном клубе она была один раз в жизни, и то сегодня, когда вышла на работу. С одеждой было еще проще: классика — она во все времена классика, а одежда Саломии не то что из моды не выходила, она туда и не входила, существовала сама по себе, вот и Саломия ухитрилась существовать отдельно от моды. А музыка ей в самом деле больше нравилась классическая, хотя раньше она ее терпеть не могла, как и свое имя.

Имя дала ей мама, и Саломия еще лет с девяти знала, что сменит его на другое, любое, хоть на Евдокию, лишь бы не выслушивать заушное: «А вы знаете, что так звали дочь Иродиады...» Мама терпеливо объясняла, что не все библейские персонажи с таким именем были столь кроваво-жадны, но сама Саломия никому не собиралась ничего объяснять.

Классическую музыку она не любила, а точнее, не любила балет, из-за которого редко видела маму, хотя в танцевальную школу ходила, иначе было просто нельзя. Мама была примой балетной труппы их городского театра — бабушка без устали повторяла, что Саломия должна гордиться ею, а Саломия ненавидела и театр, и балет, и заодно все, что с ними было связано. Она больше любила рисовать, особенно акварелью. Мама часто ездила на гастроли, в том числе зарубежные, откуда привозила дочери красивую одежду и игрушки, а однажды привезла отчима-итальянца русского происхождения.

Отца Саломия не знала, да и не спрашивала о нем никогда, а отчима любила. Он называл жену *cara**, а падчерицу *mia***, часто пел Саломии «O sole, 'o sole mio, Sta 'nfronte

* *Cara* — дорогая (итал.).

** *Mia* — моя (итал.).

a te, sta 'nfronte a te!»* Он играл в оркестре и мечтал увезти их в Италию — Саломия тоже мечтала об Италии, но, когда ей было двенадцать лет, родители разбились на пригородной трассе, возвращаясь с гастролей, и все мечты разбились вместе с ними. Был гололед, автобус занесло на встречную, лобовое столкновение с «КАМАЗом», а мама с отчимом сидели впереди...

С тех пор Саломия не помышляла о смене имени, она тогда на многое изменила взгляд. Бабушка сразу состарилась лет на десять, и Саломии пришлось взрослеть уже в свои двенадцать. Неожиданно оказалось, что им ни на что не хватает денег, особенно когда были потрачены все родительские сбережения.

Став чуть старше, Саломия обнаружила чудесные свойства классических костюмов, когда из двух — с юбкой и брюками — волшебным образом получается четыре, если их изначально покупать так, чтобы потом можно было перетасовать. Она поступила в университет, но уже на первом курсе искала подработки: набирала курсовые и дипломные работы, рисовала картины, несколько штук даже удалось продать по хорошей цене.

Но временные заработки не спасали, поэтому сейчас Саломия вместе с другими девчонками-стажерками стояла в стороне, за барной стойкой, ожидая распоряжений. К бару подошел Игнат, администратор клуба, и окинул их оценивающим взглядом.

— Загорская, ты юбку длиннее не могла найти? — Он недовольно поджал губы. — У тебя нормальные ноги, яви их миру. И блузку не надо застегивать до подбородка, ты же не водолаз.

Саломия промолчала и опустила глаза. То, что он будет придираться, она знала, девчонки сразу предупредили, еще

* «O sole mio» («Мое солнце») — известная неаполитанская песня Эдуардо ди Капуа (музыка) и Джованни Капурро (текст), 1898 г.

Я НЕ МОНТЕ-КРИСТО

при отборе, поскольку она отклонила любезное приглашение Игната поехать к нему домой, которое он даже не пытался завуалировать заезженным «послушать музыку» или «посмотреть фильм». Игнат был прямолинеен и недвусмысленно сообщил, что они будут делать. Саломия настолько была ошеломлена тем, что из всех приятных и милостивых девушек выбор пал на нее — высокую, художочную и неброско одетую, что даже не сообразила, как лучше отказать. Отказала так же прямолинейно.

— Ну все, тебе хана, — просипела сквозь сжатые зубы Ирка.

— Почему? — удивилась Саломия.

— Игнат злопамятная сволочь, вот увидишь, он так просто не забудет, что ты его отшила.

— Так с ним Алина поехала, и Оля с Галкой согласились, он сам их не взял, зачем ему я? — продолжала недоумевать Саломия, но Ирка лишь глубоко вздохнула и покачала головой.

Иру в смену не взяли, а Саломии сказали приходить. Она наплела бабушке, что переночует у Катерины. Катька написала себе здоровенную напоминалку, что у нее вечеринка в честь чего-то там и Саломия ночует у нее.

— Загорская, отнеси заказ в пятый вип. — Игнат смотрел куда-то в стену мимо Саломии. Она подхватила поднос и поспешила наверх.

Как открыть дверь, если руки заняты тяжелым подносом? Аккуратно постучаться ногой. Дверь открылась, и Саломия чуть не выронила поднос. На нее смотрели глаза такого пронзительно-голубого оттенка, что у нее едва не вырвался удивленный возглас. Она как раз недавно рисовала небо и море, размывала акварель, и получился точно такой оттенок. «Невская палитра», самые лучшие краски, отчим все время покупал ей только «Невскую палитру», теперь она сама их покупает...

— Кобальт лазурно-голубой.

У нее случайно вырвалось, честное слово.

— Что? — удивленно взметнулись брови над лазурно-голубыми кобальтовыми глазами. Не совсем, конечно, кобальтовыми, надо бы немного размыть...

— Ваш заказ, — опомнилась Саломия. Молодой человек усмехнулся и посторонился, а она принялась расставлять бокалы на столике.

На широком диване расположилась девушка небесной красоты — они здесь все казались небожителями — и еще двое мужчин. Напротив два огромных монитора транслировали танцпол и стойку у бара.

— Ну что, Димыч, есть там что-то стоящее? — спросил тот, кто открыл ей дверь.

— Тебе зачем, Ник? — ответил ему один из сидящих. — Ты со своим самоваром пришел.

Ник, наверное, Никита, значит, девушка здесь с ним? У Саломии настроение упало на несколько градусов ниже, и она мысленно себя одернула: «Заканчивай быстрее и уходи. Ты тут точно лишняя».

— Да ничего, все одно и то же, — разве что не зевнул второй, — надо Саркиза набрать, пусть своих присылает. Хотя постой, беру свои слова обратно. Тебя как зовут, милая?

Саломия даже не сразу поняла, что это обращаются к ней. Она лихорадочно соображала: ей самой стоит разлить спиртное или лучше убраться поскорее, сами справятся? Поди разбери, кто тут что пьет, заказали они немало.

— Ты оглохла, красавица?

— Саломия. — Она выпрямилась, скомкав салфетку.

— Как? — удивился голубоглазый красавец Никита, подходя к своей девушке и так нежно проводя по ее волосам, что у Саломии внутри даже защемило от зависти. — Соломия?

— Саломея, — поправил тот, кого он назвал Димыч. Наверное, его звали Димой. — Ты тоже танцовщица?

— Нет, — коротко ответила она. Может, все же стоит сменить имя? Второй приятель, видать, был туговат на ухо,